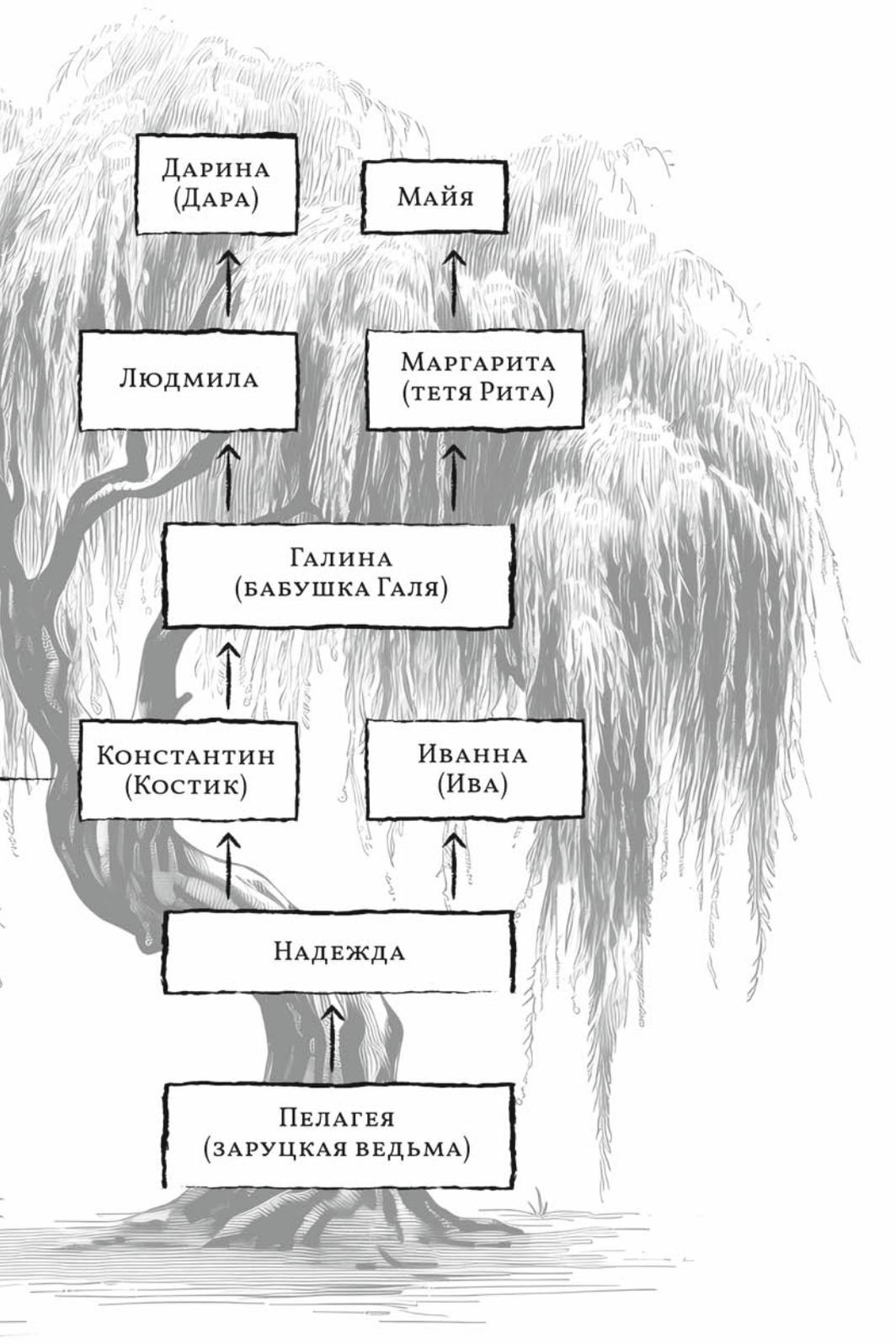

Семейное древо Дары

ДАРИНА
(ДАРА)

МАЙЯ

ЛЮДМИЛА

МАРГАРИТА
(ТЕТЯ РИТА)

ГАЛИНА
(БАБУШКА ГАЛЯ)

КОНСТАНТИН
(КОСТИК)

ИВАННА
(ИВА)

НАДЕЖДА

ПЕЛАГЕЯ
(ЗАРУЦКАЯ ВЕДЬМА)

Г Л А В А 1

ТРИСТА УТОПЛЕННИКОВ

— Напугай, Лис, напугай! — Майя лягушкой прыгала в убежище из одеял.

— Да тихо ты, Май, сейчас рухнет! — Елисей подхватил свесившуюся с плеча гирлянду и закинул обратно.

До Нового года времени было еще вагон и маленькая тележка, но разноцветные огоньки специально достали с антресолей для одеяльного домика.

— Напугай, Лис! — упрямо канючила Майя.

Она сунула в рот кончик тонкой светлой косы и зажевала его, словно коза. Что за неугомонная девчонка!

Елисей покосился на Дарину. Та сидела в кресле с книгой на коленях и притворялась мертвой, вернее читающей. Она не собиралась помогать Лису, который раздумывал, какую страшилку можно поведать девочке при ее старшей, хоть и двоюродной сестре. Дара, честно говоря, и сама не знала, что можно рассказывать людям, которым еще даже не выдали паспорт. И выдадут не скоро. Да и вообще, она редко общалась с Майей. Какое у них может быть общение? Дара почти в конце школы, а эта козявка в самом начале. И неважно, что это Дара привезла Майю в Ярославль,

зато Лис старше, и у него есть родная маленькая сестра, значит, в мелких девочках он что-то да смыслит, вот пусть сам и выкручивается.

— Можешь рассказывать все с маркировкой «шесть плюс», — все-таки буркнула Дара, не отрывая взгляд от страницы.

Буквы сливались в бессмысленные темные линии. Ее очки лежали рядом, на журнальном столике, но она не хотела их надевать. Без очков можно смотреть на Лиса, не заливаясь предательским румянцем. Единственный плюс слабого зрения — открыто глазеть на расплывающееся, словно стертое ластиком лицо и не походить при этом на человека с хроническим жаром.

— Ну, слушай, — сдался Елисей.

Он придвинулся к одеяльному шалашу, словно волк, карауливший поросенка. Точнее, лис.

Майя скрестила ноги по-турецки, перекинула многострадальные косячки за спину и, открыв пакетик с орехами, превратилась в слух.

— Недалеко от Ярославля есть город Рыбинск, — начал Лис, понизив голос. — И стоит он на берегу моря...

Ой, всё! Берегись! Надавил на большую мозоль!

— Чего?! — возмутилась Майя и нахмурилась, перебирая в уме скудные географические познания. — Какое море? Нет, ты рассказывай правдивую историю! Не сказку!

Майя на самом деле от этой поездки к родственникам была не особо в восторге. Родители давно обещали ей море, но не получилось с отпусками, и лучшее, что они смогли придумать, — это подкинуть дочь племяннице. Майя в поезде хмурилась и ворчала, глядя в окно: «И тут березы да елки, а я хотела бамбук и пальмы!» Дара, в общем-то, сестру понимала — она тоже бы возмущалась, если бы вместо моря ей подсунули Волгу. Но она не пыталась развеселить Майю, тем более сама ехала не развлекаться. У нее было дело.

Дарина отправилась на смотрины университета, куда собиралась поступать на следующий год. Еще она планировала ближе познакомиться с городом, почувствовать себя не гостьей, а жительницей Ярославля. И собиралась ехать она одна. Чтобы все по-настоящему, как в студенческом будущем. Но вмешался гениальный план тети Риты с каникулами для Майи. Да еще эту мелкую назначили надзирателем — следить, чтобы

Дара не зависала в смартфоне и занималась зарядкой для глаз (зрение у нее продолжало садиться).

Чтение не запретили. Уже хорошо. Правда, допускались только бумажные книги. Сколько ни объясняй, что в смартфоне Дара тоже больше читает, чем торчит в соцсетях, — не верят.

Ярославль встретил опухшим серым небом и дождем без конца и без края.

На вокзале их ждала великая тетья. На самом деле девочкам она была не тетей, а двоюродной бабушкой. Но Лис как-то вычитал в энциклопедии, что раньше на Руси двоюродную бабушку называли «великой тетей». Всем это так понравилось, что с тех пор Александру Константинову («Ох уж это имя длиною с товарный поезд!») внучатые племянницы только так и звали.

Майя насупилась, глядя на тучи, и натянула капюшон ветровки. Великая тетья по пути к машине клятвенно заверяла, что сегодня первый день такой пасмурный, а значит, дождь девочки привезли с собой в чемодане. Хотя в их маленьком северном городке дождя тоже не было, как, в принципе, и лета. Только холод. И временами мелкий снег. Дождь, видимо, прицепился по дороге, когда они выходили на станции за мороженым. Ведь какое лето и каникулы без мороженого? Даже если приходится, вылезая из вагона, накидывать куртку.

В дороге Майя смирилась с недосыгаемостью пляжа под пальмами и размечталась о пикниках: термос, бутерброды, пирожки, плед на траве, бадминтон. Дождь отнял даже это. Лето-то заканчивалось, остался один месяц — август, да и тот с натяжкой можно называть летним, а ничего интересного еще не произошло.

Об этом Майя грустно поведала великой тете, когда загрузилась в ее красненькую «Ладу Калину». Александра Константиновна вошла в положение и решила напечь пирожков: «Пикник не хуже, чем на улице, будет! Можно даже скатерть на полу расстелить!» А Лис предложил соорудить одеяльный домик. И вот появился шалаш из стульев, диванных подушек и покрывал. Майя, захватив пакетик с орехами, устроилась внутри.

— Как здорово! — оценила она. — Не хватает только страшной истории! Напуга-а-ай!

А тут Лис со своим морем.

Дара отклеила взгляд от страницы и посмотрела на младшую сестру. Та накручивала на пальцы тощие светлые, как говорила великая тетя, льняные косички.

— Так я правду и говорю! — Лис отодвинулся от норы недовольной Майи, но прихватил при этом пару орехов. — Ну не совсем море, а водоохранилище. Хотя какая разница, если все его морем зовут? Оно на море и похоже. Огромное! И пахнет морем. А ведь не прошло и века, как это море появилось. Представляешь? Вернее, не само появилось, а люди создали его!

Дара невольно улыбнулась: Лис был технарем от макушки до пят. Когда он сказал, что люди создали море, глаза его азартно блеснули.

Дара не виделась с троюродным братом несколько лет и, собираясь в гости к великой тете, все еще представляла смешного лохматого рыжего мальчишку с оттопыренными ушами и кожей в крапинку. Когда Лис успел так вымахать? Повзрослеть? Раздаться в плечах? Вот уж неожиданное открытие — мальчишки тоже растут!

— Но остались еще старики, которые помнят на дне моря луга, поля, деревни, сёла, город и речку Молóгу. Берега этой речки были усыпаны ягодами: земляникой, малиной, черемухой. Но больше всего, говорят, росло смородины, поэтому местные легенды гласят, что в былинные времена эту реку называли Смородиной-Смородинкой. Кстати, Молога переводится как «ягодная река».

— Теперь там ягодное море, — подытожила Майя.

— Это с какого языка перевод? — не выдержав, вмешалась Дара.

Она закрыла книгу. Можно больше не притворяться читающей — Майя при деле. Хотя Дара внутренне ужасалась — приехали только сегодня, а уже израсходовали весь стратегический запас домашних развлечений: убежище из одеял, гирлянды, байки из склепа. Правда, история звучала пока совсем не страшно. А любопытно.

Лис с досадой зыркнул на Дару.

— Не знаю я! С древнего. Не веришь, погугли.

Дара прикусила губу. Ее смартфон лежал на подоконнике. Она же, по совету мамы, будто бы «давала глазам отдохнуть». В день ей был выделен час интернета, но перед этим полагалась зарядка для глаз — нарисовать на оконном стекле фломастером точку и смотреть то в даль, то на цветное пятнышко. Сегодня Дара еще не бралась за скучное

упражнение: суматоха приезда, мельтешащая Чечевица, расспросы великой тети, Лис, обед, да и фломастер под руку не попался.

Сейчас же великая тетя готовила на кухне пирожки, а они сидели в общей комнате, звавшейся залом, и огоньки на пледе уютно мигали. Как тут прикажете подойти к окну, нарисовать фломастером точку и глядеть то на соседнюю многоэтажку, то на цветную муху? Глупо. Да и стемнело уже.

Тяжело, когда нет своей комнаты, а их с Майей определили ночевать как раз в зал.

— Рассказывай дальше! — потребовала Майя, ее названия не интересовали, подавай ужастики. — Что там случилось с этой рекой?

— Да не про реку я хотел рассказать, а про город! Он так же назывался, как и река, — Молога, — досадливо махнул рукой Лис, но потом снова вошел в ритм рассказа, и его голос опять зазвучал бархатно-мягко, тихо и зловеще.

Дара любила слушать истории великой тети, и, кажется, этот волшебный талант — завлекать словами — передался и Елисею.

— Жили мологжане хорошо, всего у них было вдоволь. Собирали ягоды, грибы, рыбачили, стреляли уток. Земля плодородная, поля, огороды. Трава на лугах выше макушки, а значит, в достатке было молока и мяса. Да и меда с излишком. В Мологе постоянно устраивались ярмарки, приезжали даже столичные актеры. В общем, жили счастливо. Но вот сверху пришел приказ — город топить, строить гидроэлектростанцию. Ну... — Лис замялся и покосился на лоящую его слова Майю, — электричество чтобы производить.

Наверное, будущий инженер Елисей уже лихорадочно соображал, как объяснить маленькой девочке работу гидроэлектростанции. Но Майя приняла этот факт за данность, а вот Дара задумалась: и правда, а какая связь между рукотворным морем и электричеством?

Водохранилище... Даре вспомнилась бочка, которую бабушка Галя ставила под водосток, и, когда шел дождь, звенящий поток с крыши устремлялся прямо в это «водохранилище». Собранным дождем поливали огород и комнатные цветы. Но Рыбинское водохранилище похоже на море, раз так его называют, и нужно оно не для полива, а для выработки электричества. Загадка. Дара глянула на включенный торшер. Ой,

да какая разница, как вода становится светом! Люди приручили воду. И благодаря этому за сто километров от водохранилища на одеяльном шалаше сверкают огни.

— Местных жителей новость поразила, — продолжал Лис.

— Еще бы! Эта новость поразила бы и сейчас: «Выселяйтесь, хватит сажать картоху на дне моря!» — сказала Дара, но, вспомнив, что Лис учится на машино-строительном факультете, а значит, ратует за прогресс, добавила:

— Но, в принципе, электричество — это хорошо.

— Только как тут радоваться лампочке Ильича, когда надо бросить дом, сад и уезжать в неизвестность, — задумчиво произнес Лис. — А будет ли электричество в этой неизвестности? Может, и зря уезжали? Хотя если мыслить глобально, то электричество — это хорошо.

Дара снова посмотрела на включенный торшер. Обычный старенький абажур из плотной ткани с бахромой по краю, немного запылившийся — великая тетя не любила тратить жизнь на уборку. Только заканчивался июль, но вечерами уже пахло осенью даже здесь, в Ярославле, а свет торшера, теплый и желтый, манил завернуться в плед и выпить какао. Ради таких уютных вечеров где-то когда-то выселили людей из домов. Из целого города. Звучало фантастически. Неужели это на самом деле случилось? Был город — и не стало, а вместо него раскинулось море.

Дара уставилась в потолок, силясь представить, как это — когда вдруг оказываешься не на берегу, а на дне, и небо рябит от волн.

Лис продолжал, снова обращаясь к Майе, и даже, кажется, придвинулся к девочке чуть ближе:

— Представляешь, плывешь ты на лодке, а под тобой затопленное кладбище при разрушенной церкви. Кресты ржавые щерятся, могилы размытые, черепа-кости торчат в дощатых прямоугольниках. Но это не самое страшное. — Он понизил голос. — Не все знали, куда им деваться из Мологи, да и жуть как не хотелось покидать родину, избенки свои, огороды, родительские могилы. Это их город, их земля! Будут они защищать Мологу до последнего! Эти смельчаки, а на деле просто отчаянные люди, приковали себя цепями к домам, привязали веревками: «Оставьте город в покое или губите вместе с нами!» Но мнение мологжан потонуло в воде. Как и они сами. Говорят, рапорт есть. — Лис нахмурился,

вспоминая. — В нем говорится, что триста жителей пожелали уйти из жизни при наполнении водохранилища*.

Три сотни людей. Дара пыталась осознать эту цифру. Много. Но ничего при этом не ёкало в груди, словно яркость чувств убавили, будто трагедия сотен людей — это больше, чем она может вместить.

— Ходят слухи, — мрачно продолжал Лис, наклонившись к Майе, — что они превратились в русалок и водяных. Рыбаки рассказывают: если ночью с лодки посветить фонариком на воду, то можно увидеть, как утопленники тянут руки и умоляют взять их на борт. Поэтому бывалые мужики, которые отваживаются рыбачить после заката, обязательно затыкают уши берушами. Но некоторых утопленники все равно умудряются заманить на дно моря, в свой разрушенный город. Особенно если течет в тебе мологская кровь. А вокруг мертвецов сплывают такие рыбы, щиплют их и клюют острыми мордами, поэтому руки утопленников все в струпьях, искусанные, обгрызенные...

Лис неожиданно сделал бросок кобры и ущипнул Майю за бок. Девочка громко взвизгнула, как и положено, когда страшная история удалась, и счастливо расхохоталась.

В этот момент, окруженная ароматом выпечки, в комнату вошла великая тетя с блюдом горячих пирожков. Она покраснела от жара духовки, из пучка на затылке выбились серебристые пряди волос, похожие на перья чаек.

Даре казалось, что «великая тетя» — вовсе не славянское название сестры бабушки, а индейское. Слышалось в этом прозвище что-то шаманское, представлялся вигвам, длинная курительная трубка, шкуры зверей

* Лис вспоминает рапорт начальника мологского отделения Волголага, лейтенанта государственной безопасности Склярова: «В дополнение к ранее поданному мною рапорту докладываю, что количество граждан, добровольно пожелавших уйти из жизни со своим скарбом при наполнении водохранилища, составляет 294 человека. Эти люди абсолютно все ранее страдали нервным расстройством здоровья, таким образом, общее количество погибших граждан при затоплении города Мологи и селений одноименного района осталось прежним — 294 человека. Среди них были те, кто накрепко прикрепляли себя замками, предварительно обмотав себя к глухим предметам. К некоторым из них были применены методы силового воздействия, согласно инструкции НКВД СССР». Подлинность документа не установлена.

и перья в волосах. «Сегодня великая тетя собрала нас на совет». Тем более Александра Константиновна любила деревянные бусы и пеструю одежду. В ее волосы цвета соли с перцем так и хотелось вплести кожаные шнурки да *куриных богов* — камушки с дырочкой посередине. А в спальне великой тети, над ее кроватью, висел большой ловец снов, паутинка которого крепилась не к круглому обручу, а к оленьему рогу. Это был самый красивый ловец, который Дара видела, а она насмотрелась — ее мама работала в сувенирном магазинчике. Еще великая тетя мастерски сооружала шалаши из пледов и знала много историй. Точно шаманка.

— Налетайте!

Александра Константиновна поставила тарелку с пирожками на полированный столик, подложив под нее толстый журнал вместо подставки для горячего.

Возле столика закрутилась-завертелась ярко-рыжая собачонка Чечевица, явившаяся следом за пирожками из кухни. Вот и тотемный зверь, как и положено каждому уважающему себя индейцу.

— Кыш! Кыш! — махнула полотенцем на тотемного зверя великая тетя. — Вечно там, где еда! Следите за ней, она та еще воришка, а ветеринар ругает за лишний вес. Говорит, нельзя набирать. Суставы. Мы с Чечевицей верим ему обе.

Чеви фыркнула, мол, слушаете всяких ветеринаров, а слушать надо только сердце и желудок.

Мая из своего убежища осторожно спросила:

— Пирожки с рыбой?

— Конечно, с рыбой! — вместо бабушки ответил Лис, хватая угощение.

— А вы с рыбой хотели? — виновато спросила великая тетя, вытирая руки о фартук. — Нет, с капустой. — Она покосилась на Лиса. — Или ты про Мологу рассказывал? Лучше за компотом сходи!

— Страшилки! — выдала Дара троюродного брата.

От его рассказа даже ей стало не по себе. Эти люди, добровольно приковавшие себя к домам... Бр-р-р!

— Молога — не выдумка? — на всякий случай уточнила Дара.

Великая тетя должна быть в курсе — она всю жизнь прожила в Ярославле.

Александра Константиновна присела на диванчик — будущую постель Дарины.

— Да, был такой город.

— Был, да сплыл! Его затопили, чтобы у нас было электричество, — откликнулся Лис, возвращаясь с кувшином и башенкой из стаканов. — Я же рассказывал! Чем ты слушала?

— Не только для электричества. Судоходство забыл, — добавила великая тетя. — Может, были и другие причины. Все-таки дело ответственное — создать такой большой водоем, затопить деревни и город.

Александра Константиновна расставила стаканы и разлила компот из сухофруктов. Скоро подспеет новый урожай яблок, поэтому старые запасы витаминов активно варились и заливались во внуков.

Дара взяла стакан и вернулась в кресло. Компот пряно пах корицей. Она глотнула ароматный напиток и посмотрела на одеяльный шалаш. Гирлянда, похожая на бусы из разноцветных монпансье, уютно сияла. Наверняка экономная великая тетя купила ее по дешевке на распродаже. Но, оказывается, яркий танец цветных огоньков стоил целого города. Люди пытались отстоять Мологу, приковывали себя цепями к домам...

Дара беспомощно поглядела на великую тетю.

— И триста человек погибло?

— А? Что? Ты все о Мологе? — Великая тетя пожала плечами. — А кто его знает. Другое время — другие нравы. Советский Союз. Вам не понять. В газетах статьи о трудовых подвигах. Стахановцы. Победа человека над природой. Люди гибнут, а здания остаются и служат народу. Но что на самом деле скрывалось за лозунгами? Кто теперь разберет.

— Прямо как инстаграм*, — хмыкнула Дара, — где все такие вдохновленные, продуктивные, на энтузиазме, а что на самом деле прячется за красивыми фото?

— Поэтому у меня нет инстаграма*! — хохотнул Лис, хватая пирожок. — О, уже подостыли!

— Человек каменного века! — фыркнула Майя, у которой все было по-взрослому. — Ископаемое! Нет в инстаграме*, считай, нет в мире!

— Наполнение водохранилища — дело не быстрое, — пробормотала великая тетя, все еще раздумывавшая над вопросом Дары, — устанешь на цепи сидеть. Да сами-то мы там не были. Так что врать не буду. Может,

и были эти триста утопленников, а может, и нет. Но вот что я знаю точно: электричество в окрестных деревнях появилось только с созданием водохранилища. Восемьдесят лет назад лампочка над головой не была такой уж привычной. В провинции жгли керосиновые лампы.

— Восемьдесят лет? Наверное, еще остались те, кто жил когда-то на дне моря, — задумчиво проговорила Дара и сама подивилась, как поэтично вышло: «жил на дне моря».

— А я знаю, кто эти люди! — Майя вдруг вылезла из своего убежища. — Ну, те, которые остались там, на дне.

— И кто? — подозрительно спросила Дара, чувствуя подвох.

— Заложные покойники! — выпалила Майя.

Великая тетьа озадаченно глянула на Дару. Ну вот, и снова спрос с нее! Вообще-то это Лис рассказывал сестре страшилки, а не она.

Майя обвела взглядом родственников, наслаждаясь произведенным эффектом, и пояснила:

— Ну, это те, кто умер плохо. Не своей смертью то есть. Утопленники как раз. Остаток положенной жизни они проводят в виде *нечисти* и вредят людям.

— А твоя теория не такая и бредовая, — задумчиво отозвался Лис. — У моей знакомой месяц назад умерла прабабушка. Она как раз была из Мологи. Совсем чуть-чуть не дотянула до ста лет. Логично предположить, что и на дне моря еще кто-то доживает отпущенный ему срок. — Лис зловеще прищурился. — Опасное это место — Рыбинка, неизвестно, кто на самом деле там обитает.

— Атлантида, — подытожила Майя и взяла наконец пирожок — раз уж без рыбы.

— Китеж-град, — откликнулась великая тетьа.

И Дара удивилась, как это она не догадалась сама. Ведь точно! Город, спрятанный в озере!

— Что за Китеж-град? — спросила Майя, перекидывая горячий пирожок из ладошки в ладошку.

Великая тетьа, казалось, обрадовалась, что Майю заинтересовала эта история. А то всё утопленники да покойники.

— Есть такая легенда, — охотно пояснила она, — что на озере Светлояр стоял град Китеж. Но когда войска Батыея во времена татаро-монгольского нашествия подошли к его стенам, то жители не подняли

оружия, а принялись молиться. И вот из земли забили фонтаны воды и город скрылся в неожиданно появившемся озере. Только тот, кто чист душою, утром в туманной дымке может рассмотреть в озере отражение Китеж-града. Сейчас, погодите. А то вдруг вы мне не поверите!

Великая тетя поднялась с дивана и подошла к массивным книжным полкам, которые Дара про себя звала «гробиками». Александра Константиновна застыла, изучая корешки, а потом, легко заскочив на икевскую табуретку-лесенку, отодвинула толстое стекло «гробика» и достала темную старенькую книгу. Все еще стоя на табуретке, она полистала страницы, и Дара, надевшая очки, заметила, что некоторые уголки в книге загнуты. Вот тебе и бывшая учительница русского и литературы! Имеет вредные книжные привычки!

— Слушайте! — великая тетя нашла нужное место. — Вот что нам писатель и этнограф Мельников-Печерский в своей книге «В лесах» рассказывает: *«И досель тот град невидим стоит, — откроется перед страшным Христовым судилищем. А на озере Светлом Яре тихим летним вечером виднеются отраженные в воде стены, церкви, монастыри, терема немецкие, хоромы боярские, дворы посадских людей. И слышится по ночам глухой, заунывный звон колоколов китежских»*. Вот так вот.

Великая тетя захлопнула книгу и вернула ее на место.

— Невидимый затопленный город, который иногда мелькает отражением на воде. Рассказывают еще, что однажды на берегу озера, в окрестностях Китеж-града, пропал сын помещика. Сколько искали, так и не нашли. А через несколько лет пришло от него письмо. Юноша сообщал, что жив-здоров, и просил не искать его.

— Этот сын помещика даже не скучал по родным? — возмутилась Майя.

А Дара невольно вздохнула. Она-то точно будет скучать, когда уедет от родителей. Но те в один голос твердят, что студенческая жизнь — самое веселое время, да и нет у Дары возможности учиться выбранной специальности в родном городке. Она опять вздохнула и мечтательно призналась:

— Нам про Китеж рассказывали в школе, и мне всегда хотелось там побывать. На берегу озера, я имею в виду.

— Историческая душа, — хмыкнула Майя.

Дара досадливо скривилась. Не нравилось ей это прозвище, которым ее наградила тетя Рита, а Майя повторяла.

Младшая сестра снова уползла в свой одеяльный шалаш и теперь скармливала Чеви капусту из пирожка. Китеж-град ее не впечатлил. Она любила только страшилки, духов и привидений. Как-то Майя поделилась по секрету с Дарой, что собирается стать *спиритологом*. Дара не была уверена, что такая профессия существует, правда, она слышала о спиритизме — вызове духов. Но, кажется, этим занимались медиумы. Интересно, а можно ли вызвать призрак города?

— Да уж. — Лис взлохматил рыжие кудри, словно стряхивая наваждение. — Легенду про Китеж сочинили давно, а вот сбылась же, ушел город Молога под воду, и на том месте теперь озеро. Получается, Молога и есть Китеж-град?

Дара так не считала. Она свесилась с кресла, взяла пирожок с тарелки и, надломив его, выпустила ароматный пар, похожий на туман, в котором, по преданиям, являлся призрачный город.

— Китеж спрятали от врагов, защитили, а Мологу свои же приговорили. Не чудо скрыло город под водой, а люди, — возразила она.

— Когда-то, давным-давно, до нашей эры, — задумчиво проговорила великая тетя, — в том месте было древнее озеро. Можно считать, что оно вернулось.

— Но теперь это озеро полностью зависит от людей. Плотины, шлюзы, гидроэнергетика, — напомнил Елисей. — Управляемая человеком стихия. Прямо море-киборг!

— Никак не наиграются люди в богов, — вздохнула великая тетя, возвращаясь от книжных полок к столу с едой. — Кому еще компота? Ешьте пироги, не стесняйтесь! Чеви, я не к тебе обращаюсь!

— В общем, зловещая штука это ваше водохранилище, — подытожила Майя и, как типичная Майя, тут же добавила: — Мы ведь можем туда съездить?! Посмотреть на Китеж-Мологу? На море-киборга. А крыши домов из воды торчат? Колокольни, башни?

— Смотреть там особо нечего, — пожалла плечами великая тетя. — Когда очищали дно будущего моря, то всё вывезли или разрушили. Храмы взорвали. Ничего не осталось на дне.

Майя приуныла.

— Ну во-о-от!

Дара тоже была разочарована. Как будто ее обманули, поманив подводным городом. И не верилось, что на дне ничего нет. Что город исчез полностью. Это неправильно. Нечестно.

— О! — вдруг воскликнул Лис и даже поперхнулся компотом.

Майя выскользнула из шалаша и услужливо постучала брата по спине.

— Спасибо, Май! Я вот что вспомнил. В Рыбинске же есть дома, припльвшие из Мологи! По Волге! Представляете?! И вроде как раз в том районе, где у нас дача. Надо только поискать. Некоторые улицы Рыбинска на самом деле — улицы Мологи. Были... Но наверняка что-то еще сохранилось!

— Ух ты! — удивилась и обрадовалась Дара.

— У тебя даже глаза заблестели! — засмеялся Лис. — Историческая душа!

Еще бы, старинные дома! Прямо из затопленного города! Сбежавшие дома. Припльвшие дома. Звучало сказочно!

А Майя, наоборот, разочарованно скривилась.

— Это все не то! Это не отражение города в воде!

Ага, и утопленников на улице не встретишь. Привидений не призовешь.

— Зато всё по правде! — возразила Дара.

Майя волком глянула на сестру, и Дарина смутилась. В конце концов, увлекаясь историей, она тоже по-своему гонялась за призраками.

— Только я не знаю, какие из домов припльвшие, а какие местные, — виновато признался Лис. — Восемьдесят лет же прошло. Тут и новые дома успели состариться.

— Думаю, выяснить это легко, — хитро улыбнулась Дарина и обратилась к великой тете: — А можно мне мой интернет-час?

— Да, конечно, — кивнула великая тетя.

Дара взяла смартфон с подоконника и вопросительно посмотрела на Лиса.

— «Адронный коллайдер», — отозвался Лис.

— Как это пишется? Диктуй по слогам, — пробурчала Дара.

Каждый день, решил Елисей, он будет менять пароль от вайфая после Дариного интернет-часа, чтобы у сестры не было соблазна сидеть в соцсетях дольше отведенного срока. А мобильный интернет родители

Даре отключили и пригрозили, что будут проверять тариф в личном кабинете. «На следующий год экзамены, поступление, да и потом будешь на своем истфаке в архивах сидеть, пусть хоть глаза отдохнут за лето», — говорила мама.

Хорошо хоть, родители разрешили поступить туда, куда ей хотелось. А то тетя Рита, Майина мама, все твердила: «Иди, Дар, в программисты. Знаешь, сколько сын моей подруги зарабатывает? И живет на Бали!» А куда Даре в программисты, если даже приложения в телефоне ей Майя обновляет?

«Экскурсоводы тоже хорошо зарабатывают, — оправдывала выбор дочери мама. — Будет с туристами по миру ездить. Хорошая работа. Нескучная».

Дара с умным видом кивала и на всякий случай скрывала, что на самом деле мечтает работать в музее. Вот где живут души старинных городов! Но это была не та профессия, о которой полагается мечтать. Вика, подруга Дары, выбравшая педагогический вуз, тоже молчала, что хочет стать писателем, а не учителем. А Машку вообще отправляли в медицинскую академию, хотя она обожала цветы и грезила флористикой.

Тетя Рита неопределенно качала головой, слушая оправдания Дариной мамы, но Дара почти не обижалась на тетю: той еще предстоит удивиться, узнав, что ее собственная дочь собирается стать спиритологом. На фоне такой подозрительной псевдонауки истфак выглядел почти как... где там программистов учат жить на Бали?

Дара с торжеством развернула дисплей смартфона к остальным.

— Вот статья! А в ней фотографии домов! Так и думала, что не только мне интересны деревянные путешественники!

Майя бросилась к сестре, заглянула в смартфон и разочарованно протянула:

— Обычные деревенские дома!

— А что ты ожидала? Сказочные терема? — ухмыльнулся Лис. — Морщины от пережитых невзгод на крышах, обветренные наличники и мудрость в окнах?

Майя сердито толкнула Лиса, но тот даже не покачнулся и продолжал хихикать над сестрой.

Дара, не обращая внимания на перепалку родных, вглядывалась в фотографии. Ей эти дома не казались обычными. Они плыли по Волге,

переселялись в другие города. Не свойственное, знаете ли, домам занятия — путешествия. Дара даже почувствовала в этих почерневших от времени избах родственные души — на следующий год она тоже сменит город.

— Сохраню фотографии на смартфон, — решила она. — И если мы поедem в Рыбинск, то легко найдем эти дома.

— Вот и отлично! — кивнула великая тетьа. — Стоят, родимые, значит. Пережили Мологу.

— Строили тогда на века, — по-старчески сказал Лис. — Но никогда не знаешь, куда занесет тебя жизнь. Даже если ты дом.

Повисло молчание, потом Лис добавил уже обычным тоном:

— В Рыбинске и музей Мологи есть. Тебе понравится, Дар! А тебе, Май, пожалуй, туда нельзя.

— Восемнадцать плюс? — хмуро спросила девочка. — Так про триста утопленников ты мне уже рассказал.

— Вот именно, рассказал... Просто, понимаешь, эти историки... — Лис опасливо покосился на Дару.

Начинается. Нормально же сидели!

— Они примутся тебя убеждать, что на самом деле ничего такого не было и заложные покойники — это байки. Скучную ты выбрала профессию, Дар.

— У меня же вторая партия пирогов в духовке! — воскликнула великая тетьа и глянула на Майю: — С ягодами, не с рыбой!

— Ягодные пироги! Мологские, — откликнулась Майя и зевнула.

— Лис, уберешь тут? — попросила великая тетьа. — Пора на боковую.

— Пусть Дара убирается, — Лис растянулся на ковре перед одеяльным шалашом. — Ей через год тоже здесь жить, пусть привыкает, запоминает, где что лежит.

Дара вспыхнула и искоса взглянула на троюродного брата. Чевина принесла Лису свою игрушку-канатик, и теперь он лениво тянул скрученную веревку на себя, а Чечевица пыталась отнять.

«Зачем в общежитие? У меня в квартире как раз три комнаты! — заметила великая тетьа, когда узнала, что Дара собирается поступать в Ярославль. — Даже Лис ко мне перебрался — ближе на учебу ездить. И мне с внуками веселее!»

А Елисей обещал, что уступит Даре уютную маленькую комнату, в которой обитал сейчас, а сам переберется в зал, если сестра согласится по утрам выгуливать Чеви.

Но теперь, когда до переезда оставался всего год и он из туманного плана превращался в реальность, Даре становилось все тревожнее. Одно дело гостить пару недель — и совсем другое жить бок о бок несколько лет. А Лиса, кажется, совсем не смущало, что скоро они будут жить вместе. Он уже даже график прогулок с Чечевицей составил.

— Девочки сегодня только приехали, — возразила великая тетя. — Так что давай на правах хозяина пошурши тут.

— Вот тебе и права хозяина, — сморщился Лис, но все-таки уступил Чеви канатик и поднялся.

Дара смущенно промямлила:

— Я не против помочь, — и принялась собирать стаканы.

— Давай их сюда!

Лис принял посуду и понес на кухню. Дара осталась стоять у опустевшего стола. Она опасливо покосилась на дверь, потом подскочила к Майе и сунула ей смартфон.

— Сфоткай меня в шалаше! — выпалила она.

Иногда Майя проявляла удивительную чуткость. Она быстро вылезла из убежища, уступая место старшей сестре. Дара юркнула внутрь и уставилась на свесившуюся лампочку гирлянды, чтобы не получилось портрета «как на паспорт».

Смартфон щелкнул несколько раз, и Майя вернула его Даре.

— Готово!

Дара покинула одеяльное гнездо. Уф, успела до возвращения Лиса с его шуточками про блогеров.

Шалаш на фото смотрелся еще лучше, чем в жизни. Лампочки, подушки внутри, Чеви, застывшая рядом и с интересом глядящая в камеру. А вот сама Дара подкачала. Лицо страдальчески исказилось от яркого мигания гирлянды. Прищуренные за очками глаза, вымученная улыбка, красные щеки. Да и кудрявые рыжие волосы, собранные в два хвоста, — такие красивые в зеркале — на фотографии казались ушами пуделя. Эх, надо было распустить!

Полистав дубли, Дара так и не выбрала, какой фотографией поделиться с друзьями. Она немного расстроилась, хотя понимала, что виновата ее вечная спешка, боязнь показаться смешной... В итоге Дара

отправила только одно фото в семейный чат и получила в ответ смайлик с глазами-сердечками от мамы и поднятый большой палец от папы.

Удаляя снимки девочки-пуделя в будке из одеял, Дара дошла до сохранных в галерее приплывших домов. Потемневшие, обветшалые, похожие на скрюченные сухие листья. Не верилось, что они плыли по Волге. Как вообще можно перевезти по воде целую избу?

Великая тетьа и Лис вернулись в зал.

— Припозднилась я с выпечкой, — устало вздохнула раздумывавшаяся от готовки Александра Константиновна. — Зато на завтрак будут ягодные пироги с молоком! А сейчас спать! Все сегодня устали.

Все так все. Лис принялся за разрушение одеяльного шалаша.

— Жалко-то как! — простонала Майя.

— Я мологжанин и собираюсь сплавлять свой дом, — хмыкнул Лис, — в другую комнату. Но не волнуйся, Май, как настоящий мологжанин, завтра я снова его соберу.

— Так, а в Рыбинск мы поедем? — спохватилась Майя. — Море смотреть?

Великая тетьа нахмурилась и зашептала, что-то подсчитывая, а потом сказала:

— В эту субботу уже Ильин день. «До Ильи мужик купается, а с Ильи с водой прощается». Так раньше говорили... Дар, выдвини нижний ящик комода, там постельное белье.

— Почему? — сразу спросила Майя. — Почему с водой прощается?

— А потому что мчится Илья-пророк по небу, гонит во всю мочь своих лошадей. А ухаживает он, судя по всему, за ними не очень, иначе как еще объяснить, что каждый год его кони теряют подковы? Падает подкова в реку и остужает воду, — пояснил Елисей.

— И что? — допытывалась Майя.

Великая тетьа забрала у Лиса подушку и принялась наряжать ее в свежую наволочку.

— Как что? — сказала она, хитро глянув на Майю. — Выходит из своих нор в студёные водоемы всякая нечисть: русалки, черти, водяные. Наступает их время. И кто решит искупаться после Ильи, тот накличет на себя беду, а то и вовсе утонет — затянут на дно чудища.

— Тетьа! — осуждающе воскликнула Дара. — И ты туда же! Как Лис и Майя — одни утопленники на уме!

Лис громко захохотал:

— Сразу видно, что мы родственники!

— А Илья-пророк — это кто? — спросила Майя.

Раз уж говорят об утопленниках, надо успеть узнать побольше, пока снова не спохватились и не сказали, что для таких историй Майя слишком мала.

— Это я расскажу завтра, а то мы и до утра не разойдемся, — улыбнулась великая тетя и ласково погладила Майю по голове.

— Ладно, — согласилась девочка. — Про пророка завтра. А просто посмотреть-то хоть на море можно? Без купаний.

Дара уже поняла: чем больше пугать сестру всякой нечистью, тем сильнее та будет проситься «просто посмотреть».

— Это-то, конечно, можно, — кивнула великая тетя. — Никто не запрещает.

— Ура! — обрадовалась Майя. — С палаткой?!

— Ой, нет! — хором воскликнули остальные, а Лис добавил: — Поедем в субботу. С моими ма, па, Янкой поздороваетесь. Они сейчас на даче живут, пока у папы отпуск.

— А мы все поместимся? — на всякий случай уточнила Дара. — На даче-то?

Дача эта принадлежала второй бабушке Лиса. Дарине даже было немного обидно, что великая тетя не имела, как другие бабушки, собственной дачи и ей приходилось гостить на чужой. Правда, великая тетя уверяла, что огород — это совсем не ее. Когда-то у нее был домик с участком, и ей не понравилось.

— Поместимся! — заверил Лис. — Если что, я буду спать во дворе, в палатке.

— Эй, ты же был против похода! — возмутилась Майя.

— Рядом с нормальным туалетом, душем и яичницей на завтрак совсем не против, — возразил Лис.

Дара тоже любила такие приключения — со всеми благами цивилизации под боком. Она уже предвкушала субботний поиск приплывших из затонувшего города домов. Это же так интересно! Будет о чем рассказать в школе. Дара еще не подозревала, что запомнит эту поездку на всю жизнь. Но вот рассказать о ней вряд ли захочет.

Г Л А В А 2

ЧЕРТИК В ГРАФИНЕ

«Ржится рожь, овес овсится, чечевица чечевится». С появлением красно-рыжей Чеви эта присказка прижилась в доме великой тети.

Вообще-то Александра Константиновна не планировала заводить собаку, но как-то весной во дворе под кустом сирени появилась Чеви. Нескладная собачонка неуловимо напоминала модную породу корги — большие уши, улыбающаяся мордочка, короткие лапы. «Понтовщики раздобыли по дешевке, а потом разочаровались и выкинули. Корги-дворги», — вынес вердикт Лис.

Сирень росла под окнами великой тети. Поливая на балконе цветы по утрам, Александра Константиновна встречалась взглядом с улыбающейся собакой.

«Прям цветочная фея», — хмыкала великая тетя, глядя на рыжую собачонку среди крупных сиреневых гроздей.

В дождливые дни, когда Чечевица отсиживалась в своем ароматном убежище, великая тетя вздыхала и обстреливала сирень с балкона сосисками «Малышок».

— Наверное, она думает, что ты бог, — хмыкал Лис, — вот бы кто-нибудь сверху кинул в меня пачкой денег!